

УДК 34

DOI: 10.34670/AR.2020.70.44.004

Становление структуры лицензирующих документов в аграрном праве

Богачев Михаил Юрьевич

Кандидат технических наук, доцент,
Российский государственный геологоразведочный университет,
117485, Российская Федерация, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 23;
e-mail: nazarovazm@mgri-rggru.ru

Забайкин Юрий Васильевич

Кандидат экономических наук, доцент,
Российский государственный геологоразведочный университет,
117485, Российская Федерация, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 23;
e-mail: 89264154444@yandex.ru

Аннотация

В работе обосновывается положение о том, что необходимо широко толковать термин «разрешение», и понимать его в значении категории «разрешительный документ». Также необходимо расширенно понимать такой признак специального природопользования, как закрепление соответствующего природного ресурса или комплекса (их частей) за определенным лицом. Таким закреплением целесообразно считать не только предоставление конкретного земельного участка с разработанной по нему землеустроительной документацией или индивидуализированный лесной участок, но и определенное место сбросов загрязняющих веществ в водный объект или установленное место нахождения стационарного источника выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух. В то же время, необходимо учитывать, что из общего правила о выделении только двух разновидностей природопользования, По нашему мнению, подобные исключения не отрицают названного общего правила, хотя очевидной является необходимость избегать их путем внесения соответствующих изменений и дополнений в нормативные акты, которые касаются правового режима отдельных природных ресурсов. Считаем, что обязательными признаками специального природопользования надо понимать платность и его осуществление на основании соответствующего разрешительного документа, на что необходимо обращать внимание при систематизации природоресурсного законодательства.

Для цитирования в научных исследованиях

Богачев М.Ю., Забайкин Ю.В. Становление структуры лицензирующих документов в аграрном праве // Вопросы российского и международного права. 2020. Том 10. № 10В. С. 366-373. DOI: 10.34670/AR.2020.70.44.004

Ключевые слова

Природопользование, разновидности природопользования, правила, загрязняющие вещества, источники.

Введение

Анализ научной литературы и нормативных актов экологического законодательства дает основания для вывода, что классически под специальным природопользованием понимают именно деятельность, непосредственно связанную с использованием определенного природного ресурса и/или комплекса и/или их полезных свойств (например: использование земель, лесов, недр, континентального шельфа и тому подобное). Кроме того, обязательным основанием для признания определенных действий указанным разновидностью использования названных ресурсов (комплексов) нередко считают прямое указание на это в норме права. Однако такая позиция является слишком формализованной и недостаточно учитывает возможные опосредованные способы влияния деятельности человека на окружающую среду.

Основное содержание

Считаем, что под специальным природопользованием целесообразно понимать все осуществляемые на основании разрешительного документа виды деятельности, которые прямо или косвенно влияют на окружающую природную среду и/или его составляющие (отдельные природные ресурсы, их комплексы или их части), а также на обеспечение экологической безопасности, а не только те виды, которые прямо определены как такие (прямо названы видам специального природопользования) действующим законодательством. Подобную позицию высказывает М. И. Ерофеев, который предлагает понимать природопользование как использование свойств окружающей природной среды для удовлетворения экономических, экологических, оздоровительных, лечебных, культурных, эстетических и других потребностей человека и общества, а также В. М. Комарницкий, который достаточно аргументированно утверждает, что, в частности, атмосферный воздух также является объектом природопользования, а не только правовой охраны. Аргументируя свою позицию, исследователь указывает, что охрана природных ресурсов является обратной стороной деятельности, связанной с их использованием, и правовой регламентацией комплексно охватывается как отношения по охране, так и с использованием соответствующего ресурса, что и имеет место в случае с атмосферным воздухом. Последнее объективно является местом (средой) выброса загрязняющих веществ, передачи звуковых или иных сигналов, сырьем для горения, охлаждения, чистки и других технологических процессов, то есть является объектом использования, а не только охраны.

Соглашаясь с приведенной позицией, считаем целесообразным считать специальным природопользованием и осуществления обращения с отходами в формах, в которых может нарушаться экологическая безопасность, обращение с объектами повышенной опасности, выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух, которые традиционно не признаются как разновидности названного пользования в эколого-правовой доктрине, ведь названные виды деятельности осуществляются на основании разрешительных документов или вследствие определенных идентифицирующих процедур (процедур идентификации и декларирования безопасности объектов повышенной опасности), с использованием природных ресурсов как непосредственно (прежде всего земельных участков, на которых осуществляется соответствующая деятельность, а также часто вод и атмосферного воздуха), так и опосредованно, т. е. через негативные влияния деятельности на окружающую среду в целом и его отдельные компоненты (леса, недра, водные объекты и др), преимущественно платно – путем уплаты обязательных платежей за негативные воздействия на окружающую среду

(выбросы и сбросы загрязняющих веществ, за обращение с отходами в форме их размещения и тому подобное).

Признаки, которые являются также характерными для обращения с отходами и осуществления выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух, следует отнести:

1) наличие высокой вероятности проявления экологических рисков, следствием чего может быть причинение вреда окружающей среде, его отдельным компонентам (природным ресурсам) и экологической безопасности;

2) повышенная опасность объектов повышенной опасности, отходов и выбросов для окружающей среды, его отдельных компонентов (природных ресурсов), и экологической безопасности по сравнению с другими видами промышленных объектов;

3) фактическое использование отдельных природных ресурсов и их комплексов в процессе обращения с объектами повышенной опасности, отходами, осуществления выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух. Так, объекты повышенной опасности, стационарные источники выбросов загрязняющих веществ, места осуществления обращения с отходами имеют конкретное место размещения в окружающей среде, а также осуществляют в основном негативные воздействия на него, конкретно определенные экосистемы и отдельные природные ресурсы в местах их размещения, при этом такие воздействия нередко не являются нормативно определенным видам специального природопользования, которые требуют получения соответствующего разрешения, имеют комплексный характер (ведь влияют одновременно на несколько природных ресурсов или окружающей среды в целом) и являются отдельными видами деятельности по отношению к указанным видам специального природопользования);

4) предсказание уплаты платежей за обращение с отходами, объектами повышенной опасности, выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух, что сейчас формализованы в Налоговом кодексе России. в форме экологического налога, который предполагается взимать за определенные действия в отношении загрязнения окружающей среды и его отдельных компонентов.

Учитывая указанное, считаем, что возможны негативные комплексные воздействия на окружающую среду, его отдельные компоненты, а через такие влияния-на экологическую безопасность при обращении с отходами и объектами повышенной опасности, которые имеют признаки природопользования, должны оцениваться и санкционироваться отдельно от прямо определенных в законодательстве видов специального природопользования, которые могут иметь место при обращении с отходами и эксплуатации объектов повышенной опасности, так как такие влияния являются самостоятельными и нередко независимыми от «классических» видов природопользования. Так, объекты повышенной опасности размещаются, а подавляющее большинство видов обращения с отходами осуществляются на земельном участке; в процессе такого обращения осуществляются шумовые, электромагнитные, химические, физические и другие воздействия на окружающую среду и его отдельные компоненты, такие как атмосферный воздух, почвы, воды и т. д, такие воздействия не относятся ни к одному из определенных поресурсовым законодательством видов использования природных ресурсов, ведь, как правило, являются комплексными, то есть направленными одновременно на несколько отдельных природных ресурсов. В то же время, в настоящее время законодательством такие комплексные воздействия не регламентированы.

Кроме того, считаем, что учитывая повышенную опасность объектов повышенной опасности и обращение с отходами для окружающей среды и жизни и здоровья населения, а также фактическое использование полезных свойств природы в процессе деятельности

объектов повышенной опасности и указанного обращения с отходами, действующим законодательством должно быть предусмотрено правовое регулирование обеспечения экологической безопасности при обращении с указанными объектами именно в контексте их влияния на окружающую среду и его составляющие, а через него также на жизнь и здоровье человека, причем как до начала, так и при осуществлении соответствующей деятельности. При этом, указанные объективные признаки объектов повышенной опасности не могут быть нивелированы, в частности, необоснованным и ошибочным, с позиций автора, отменой законодательных процедур предоставления разрешений на строительство, реконструкцию и эксплуатацию указанных объектов.

Важно отметить, что с учетом предложенного в этой работе понимания специального природопользования оно может осуществляться на нескольких основных правовых титулах, а именно: на праве собственности (что, прежде всего, характерно для земельных ресурсов), правомочностью которого является пользования, и на праве природопользования, при котором используется ресурс (объект), право собственности на который не принадлежит пользователю. Такая позиция воспринята в юридической литературе, где при анализе соотношения права собственности на природные ресурсы и права специального природопользования указано, что право пользования является одним из правомочий первого и по всем признакам имеет специальный характер (является индивидуальным, обособленным, природные ресурсы используются по целевому назначению, должно осуществляться согласно правового режима, установленного для определенного вида природопользования и др).

Важным признаком специального природопользования следует признать его целевое назначение, то есть четкое определение цели такого использования, которая указана в законодательстве и фиксируется при его применении в соответствующем разрешительном документе, которым санкционируется возможность осуществления указанного использования.

Заключение

Подытоживая изложенное, считаем, что под специальным природопользованием целесообразно понимать законодательно определенную деятельность, осуществляемую уполномоченным физическим или юридическим лицом на основании соответствующего разрешительного документа, предоставляющего право на осуществление такой деятельности, с закреплением отдельного природного ресурса/комплекса или их части (в том числе путем определения места осуществления соответствующей деятельности) для такого вида деятельности, которая прямо или косвенно влияет на окружающую природную среду и/или на его составляющие (отдельные природные ресурсы, их комплексы или их части), а также на жизнь и здоровье населения и состояние обеспечения экологической безопасности; разновидностями специального природопользования предложено считать как традиционно определены виды использования природных ресурсов (земле-, водо-, недро-, лесопользования, использования растительного и животного мира), так и обращения с отходами, по объектам повышенной опасности и осуществления выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух. Разновидностями специального природопользования является как традиционно признанное использование отдельных природных ресурсов (земля -, водо -, недро -, лесопользование, использование растительного и животного мира), так и обращение с отходами, с объектами повышенной опасности и осуществления выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух, сбросов в водные объекты и в почвы.

Библиография

1. Barnes, G. (2009). The evolution and resilience of community-based land tenure in rural Mexico. *Land Use Policy*, 26(2), 393–400. <https://doi.org/10.1016/j.landusepol.2008.05.007>
2. Bosch, M., Congost, R., & Gifre, P. (1997). The “Bans”. The struggle for agrarian individualism in Catalonia. The first hypothesis (centuries XVII-XIX) [Los “Bandos”. La lucha por el individualismo agrario en Cataluna. Primeras hipotesis (siglos XVII-XIX)]. *Noticiario de Historia Agraria*, 13, 65–88.
3. Da Silva, M. A. B. (2015). Land Law of 1850: Lessons on effects and the results of not condemn “a one fifth part of current agricultural population.” *Revista Brasileira de Historia*, 35(70). <https://doi.org/10.1590/1806-93472015v35n70014>
4. Diala, A. C. (2019). Curriculum decolonisation and revisionist pedagogy of African customary law. *Potchefstroom Electronic Law Journal*, 22. <https://doi.org/10.17159/1727-3781/2019/v22i0a4976>
5. Hendrix, S. E. (1998). Cuban expropriation legislation in the Latin American context. *Development Policy Review*, 16(2), 189–196. <https://doi.org/10.1111/1467-7679.00058>
6. Lôbo, E., & De Oliveira Brant, P. H. (2017). Agrarian disputes: Crime or civil disobedience? [Conflitos Agrários: Desobediência civil ou crime?]. *Revista Brasileira de Políticas Públicas*, 7(2), 350–368. <https://doi.org/10.5102/rbpp.v7i2.4802>
7. López, A. C. V. (2013). Behind the political agenda. The media analysis of the law of victims and restitution of lands [A la zaga de lo político. La agenda mediática de la Ley de Víctimas y Restitución de Tierras]. *Co-Herencia*, 10(18), 79–103. <https://doi.org/10.17230/co-herencia.10.18.3>
8. Macey, D. A. J. (2004). Reflections on peasant adaptation in rural Russia at the beginning of the twentieth century: The Stolypin agrarian reforms. *Journal of Peasant Studies*, 31(3–4), 400–426. <https://doi.org/10.1080/0306615042000262634>
9. Miner, N. R. (2019). Agrarian reform in nationalist China: The case of rent reduction in Chekiang, 1927–1937. *China at the Crossroads: Nationalists and Communists, 1927–1949*. <https://doi.org/10.4324/9780429051050-4>
10. Payne, R. (2002). Community forestry and the politics of agrarian reform in the chimalapas, oaxaca. *Journal of Sustainable Forestry*, 15(1), 95–112. https://doi.org/10.1300/J091v15n01_07
11. Portnova T. «The dying swan» by A. Pavlova: choreography and iconography of the image // *Space and Culture, India*. 2019. T. 6. № 5. С. 241-251.
12. Portnova T. Information technologies in art monuments educational management and the new cultural environment for art historian // *TEM Journal: Technology, Education, Management, Informatics*. 2019. T. 8. № 1. С. 189-194.
13. Portnova T. Object-shaped world of ballet in the expositions and funds of theatrical museums of the world: to the question of the study of choreographic sources // *Brukenthal. Acta Musei*. 2018. T. 13. № 2. С. 331-340.
14. Portnova T.V. Choreography sketches as a representational system of dance recording: from M. Petipa to M. Fokine // *Indian Journal of Science and Technology*. 2016. T. 9. № 29. С. 88740.
15. Portnova T.V. Integration of science and art in the study of renaissance art culture // *Перспективы науки и образования*. 2019. № 5 (41). С. 63-74.
16. Portnova T.V. Practices and methods for actualization of the scientific information in art excursions (excursions and cultural heritage in the contemporary world // *International Journal of Environmental and Science Education*. 2016. T. 11. № 14. С. 6690-6696.
17. Portnova T.V. Self-determination of personality of creative beginning in choreographic context // *Space and Culture, India*. 2019. T. 7. № 2. С. 143-158.
18. Portnova T.V. Synthesized nature of fine arts and ballet theater: system analysis of genre development // *European Journal of Science and Theology*. 2018. T. 14. № 5. С. 189-200.
19. Portnova T.V. Principles and opportunities of the study of pictorial heritage in the practice of choreographic education // *Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2018. T. 11. № 12. С. 2043-2055.
20. Ramos-Gorostiza, J. L. (2009). Environment in the spanish agrarian thought: From arbitrim to regenerationism [El medio físico en el pensamiento agrario español: Del arbitrimo al regeneracionismo]. *Historia Agraria*, (49), 5+13-40.
21. Rodríguez Rojas, J. E. (2011). Vías de desarrollo, cambio tecnológico y políticas estructurales en la agricultura moderna venezolana. *Cuadernos Del Cendes*, 28(76), 67–96.
22. Trabazo, J. V. G. (2012). Sowing taboo and Indo-European sacred agriculture. On hittite laws §166/*51 and Mānavadharmasāstra 9.291 [Tabú de la siembra y sacralidad agraria indoeuropea. Sobre Leyes Hititas §166/*51 y Mānavadharmasāstra 9.291]. *Faventia*, 34–36, 49–57.
23. Trevizo, D. (2003). Interclass conflict and political divisions among capitalists: The remaking of an agrarian capitalist class in Mexico, 1970–75. *Social Science History*, 27(1), 75–108. <https://doi.org/10.1215/01455532-27-1-75>
24. Wirzba, N. (2003). The essential agrarian reader: The future of culture, community, and the land. *The Essential Agrarian Reader: The Future of Culture, Community, and the Land*.
25. Верещагина Е.А., Жукова Т.А. Edutainment как современная технология обучения иностранных студентов средствам выражения субъективной модальности в русской речи // *Мир науки, культуры, образования*. 2019. №

5 (78). С. 10-13

26. Верещагина Е.А., Колесникова Д.С., Рудниченко А.К. Особенности разработки информационной системы для предприятия // Инженерный вестник Дона. 2019. № 1 (52). С. 53.
27. Портнова Т.В. Изображение и образ танца (эпизоды из творческого опыта мастеров русского балета конца XIX - начала XX в.) // Обсерватория культуры. 2016. Т. 1. № 1. С. 62-69.

Formation of the structure of licensing documents in the agrarian legislation

Mikhail Yu. Bogachev

PhD in Technical Science, Associate Professor,
Russian State Geological Prospecting University,
117485, 23, Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: Bogachev@mail.ru

Yurii V. Zabaikin

PhD in Economics, Associate Professor,
Russian State Geological Prospecting University,
117485, 23, Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: 89264154444@yandex.ru

Abstract

In this article was shown, that it is necessary to interpret the term "permit" more broadly, and to understand it in the meaning of the category "permit document", which is disclosed above in this subsection. It is also necessary to expand the understanding of such a sign of special nature management, as the assignment of the corresponding natural resource or complex (their parts) to a certain person. It is advisable to consider such a consolidation not only the provision of a specific land plot with land management documentation developed for it, or an individualized forest plot, but also a certain place of discharge of pollutants into a water body or an established location of a stationary source of emissions of pollutants into the atmospheric air. At the same time, it is necessary to consider that the General rule on allocation of only two species of nature, In our opinion, such exceptions do not deny named General rule, although obvious is the need to avoid them by making appropriate changes and additions to the regulations that relate to the legal regime of natural resources. We believe that the mandatory features of special nature management should be understood as payment and its implementation based on the relevant permit document, which should be paid attention to when systematizing natural resource legislation.

For citation

Bogachev M.Yu., Zabaikin Yu.V. (2020) Stanovlenie struktury litsenziruyushchikh dokumentov v agrarnom prave [Formation of the structure of licensing documents in the agrarian legislation]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 10 (10B), pp. 366-373. DOI: 10.34670/AR.2020.70.44.004

Keywords

Nature management, types of nature management, rules, pollutants, sources.

References

1. Barnes, G. (2009). The evolution and resilience of community-based land tenure in rural Mexico. *Land Use Policy*, 26(2), 393–400. <https://doi.org/10.1016/j.landusepol.2008.05.007>
2. Bosch, M., Congost, R., & Gifre, P. (1997). The “Bans”. The struggle for agrarian individualism in Catalonia. The first hypothesis (centuries XVII-XIX) [Los “Bandos”. La lucha por el individualismo agrario en Cataluna. Primeras hipotesis (siglos XVII-XIX)]. *Noticiario de Historia Agraria*, 13, 65–88.
3. Da Silva, M. A. B. (2015). Land Law of 1850: Lessons on effects and the results of not condemn “a one fifth part of current agricultural population.” *Revista Brasileira de Historia*, 35(70). <https://doi.org/10.1590/1806-93472015v35n70014>
4. Diala, A. C. (2019). Curriculum decolonisation and revisionist pedagogy of African customary law. *Potchefstroom Electronic Law Journal*, 22. <https://doi.org/10.17159/1727-3781/2019/v22i0a4976>
5. Hendrix, S. E. (1998). Cuban expropriation legislation in the Latin American context. *Development Policy Review*, 16(2), 189–196. <https://doi.org/10.1111/1467-7679.00058>
6. Lôbo, E., & De Oliveira Brant, P. H. (2017). Agrarian disputes: Crime or civil disobedience? [Conflitos Agrários: Desobediência civil ou crime?]. *Revista Brasileira de Políticas Públicas*, 7(2), 350–368. <https://doi.org/10.5102/rbpp.v7i2.4802>
7. López, A. C. V. (2013). Behind the political agenda. The media analysis of the law of victims and restitution of lands [A la zaga de lo político. La agenda mediática de la Ley de Víctimas y Restitución de Tierras]. *Co-Herencia*, 10(18), 79–103. <https://doi.org/10.17230/co-herencia.10.18.3>
8. Macey, D. A. J. (2004). Reflections on peasant adaptation in rural Russia at the beginning of the twentieth century: The Stolypin agrarian reforms. *Journal of Peasant Studies*, 31(3–4), 400–426. <https://doi.org/10.1080/0306615042000262634>
9. Miner, N. R. (2019). Agrarian reform in nationalist China: The case of rent reduction in Chekiang, 1927–1937. *China at the Crossroads: Nationalists and Communists, 1927–1949*. <https://doi.org/10.4324/9780429051050-4>
10. Payne, R. (2002). Community forestry and the politics of agrarian reform in the chimalapas, Oaxaca. *Journal of Sustainable Forestry*, 15(1), 95–112. https://doi.org/10.1300/J091v15n01_07
11. Portnova T. «The dying swan» by A. Pavlova: choreography and iconography of the image // *Space and Culture, India*. 2019. Vol. 6 No. 5. P. 241–251.
12. Portnova T. Information technologies in art monuments educational management and the new cultural environment for art historian // *TEM Journal: Technology, Education, Management, Informatics*. 2019. Vol. 8. No. 1. pp. 189–194.
13. Portnova T. Object-shaped world of ballet in the expositions and funds of theatrical museums of the world: to the question of the study of choreographic sources // *Brukenthal. Acta Musei*. 2018. Vol. 13. No. 2. P. 331–340.
14. Portnova T.V. Choreography sketches as a representational system of dance recording: from M. Petipa to M. Fokine // *Indian Journal of Science and Technology*. 2016. Vol. 9. no. 29. p. 88740
15. Portnova T. V. Integration of science and art in the study of renaissance art culture // *Prospects of science and education*. 2019. No. 5 (41). pp. 63–74.
16. Portnova T.V. Practices and methods for actualization of the scientific information in art excursions (excursions and cultural heritage in the contemporary world // *International Journal of Environmental and Science Education*. 2016. Vol. 11. No. 14. pp. 6690–6696.
17. Portnova T. V. Self-determination of personality of creative beginning in choreographic context // *Space and Culture, India*. 2019. Vol. 7. No. 2. P. 143–158.
18. Portnova T.V. Synthesized nature of fine arts and ballet theater: system analysis of genre development // *European Journal of Science and Theology*. 2018. Vol. 14. no. 5. pp. 189–200.
19. Portnova T. V. Principles and opportunities of the study of pictorial heritage in the practice of choreographic education // *Journal of the Siberian Federal University. Series: Humanities*. 2018. Vol. 11. No. 12. pp. 2043–2055.
20. Ramos-Gorostiza, J. L. (2009). Environment in the Spanish agrarian thought: From arbitristism to regenerationism [El medio físico en el pensamiento agrario español: Del arbitrista al regeneracionismo]. *Historia Agraria*, (49), 5+13–40.
21. Rodríguez Rojas, J. E. (2011). Vías de desarrollo, cambio tecnológico y políticas estructurales en la agricultura moderna venezolana. *Cuadernos Del Cendes*, 28(76), 67–96.
22. Trabazo, J. V. G. (2012). Sowing taboo and Indo-European sacred agriculture. On hittite laws §166/*51 and Mānavadharmasāstra 9.291 [Tabú de la siembra y sacralidad agraria indoeuropea. Sobre Leyes Hititas §166/*51 y Mānavadharmasāstra 9.291]. *Faventia*, 34–36, 49–57.
23. Trevizo, D. (2003). Interclass conflict and political divisions among capitalists: The remaking of an agrarian capitalist class in Mexico, 1970–75. *Social Science History*, 27(1), 75–108. <https://doi.org/10.1215/01455532-27-1-75>
24. Wirzba, N. (2003). The essential agrarian reader: The future of culture, community, and the land. *The Essential Agrarian Reader: The Future of Culture, Community, and the Land*.
25. Vereshchagina E. A., Zhukova T. A. Edutainment as a modern technology of teaching foreign students the means of expressing subjective modality in Russian speech // *The world of science, culture, and education*. 2019. No. 5 (78). pp.

10-13

26. Vereshchagina E. A., Kolesnikova D. S., Rudnichenko A. K. Features of the development of an information system for the enterprise // *Engineering Bulletin of the Don*. 2019. No. 1 (52). p. 53.
27. Portnova T. V. Image and image of dance (episodes from the creative experience of the masters of Russian ballet of the late XIX-early XX centuries). 2016. Vol. 1. No. 1. S. 62-69.